

ИЗ ИСТОРИИ XX ВЕКА

Э. Е. АБДРАШИТОВ

ПОЛОЖЕНИЕ ВОЕННОПЛЕННЫХ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1914–1917 ГГ.

В статье анализируется отношение населения Поволжского региона к военнопленным стран Тройственного союза и роль прессы в его формировании.

Ключевые слова: первая мировая война, положение военнопленных, образ врага, Поволжский регион.

Практически все российское общество, не было готово к начавшейся войне¹. В общественно-политическом дискурсе образ врага не был сформирован, и с началом войны большая роль в этом деле отводилась провинциальной периодике, материалы которой дают возможность понять специфику конструирования образа врага в разных губерниях.

Поволжская печать с первых дней войны подключилась к борьбе с германским засильем в органах власти, в промышленности и в прочих областях народного хозяйства². Что касается немецких действий по отношению к военнопленным, то они выставлялись как продуманный план, направленный на их физическое и моральное уничтожение. Например, как описывала одна из сестер милосердия, вернувшаяся из плена: «Всех повели вместе в тюрьму. Но что-то напутали — не в ту тюрьму повели. Погнали назад через весь город. Видно нарочно гоняли на потеху населению»³. По нашему мнению, имело место стремление противника через прогоны пленных по населенным пунктам решить две задачи. Первая, поднять моральный дух собственных граждан посредством визуального контакта с большим количеством поверженных солдат противника. Вторая, морально подавить и нейтрализовать стремление к сопротивлению военнопленных.

В 1915 г. существенным образом меняется тональность и содержание газет Казанской губернии, а также стилистика статей. Если в 1914 г. читателя буквально заваливали информацией об ужасах войны, то скоро стало ясно, что читатель просто устал от обилия информации и воспри-

¹ Крючков. 2006. С. 115.

² Волжское слово. 1914. 7 ноября.

³ Как немцы обращаются с пленными // Казанский телеграф. 1915. 3 января.

нимает информацию менее эмоционально, апатично. Поэтому ее стали давать более дозированно, но при этом более «ярко». Все чаще встречались в региональной печати шокирующие сюжеты. С другой стороны можно констатировать наличие процесса примитивизации сознания. Сюжеты становятся все более пугающими, но при этом практически полностью исчезает аналитический антураж статей и стилистические украшения. Нам кажется, что качественное изменение содержательной стороны материалов прессы было, прежде всего, связано с расширением читательской аудитории и вовлечением малообразованных слоев населения, неслучайно, что за годы войны в Казанской губернии в несколько раз увеличивается количество потребителей периодических изданий. Именно на них был расчет при создании публикаций подобного рода.

Во-вторых, местная печать постепенно адаптировалась к нехватке информации. Еще 25 октября 1914 г. Н. Северский в своей статье отметил неудовлетворительность работы «Петроградского телеграфного агентства», информирующего всю провинциальную печать, а через последнюю всю необъятную Россию. Автор упрекал это официальное учреждение, получающее субсидии от правительства и пользующееся льготным тарифом по пересылке телеграмм, в том, что агентство в такое тревожное время, в лучшем случае доводит до всеобщего сведения короткие официальные сообщения⁴. Поэтому в прессе все большее место начинают занимать региональные сюжеты. В этом плане практически неисчерпаемым источником информации стали военнообязанные лица, попавшие в плен. Авторы статей все чаще обращались к письмам военнопленных, как российских – из-за границы, так и иностранных – на территории Казанской губернии. Теме военного плена стало уделяться все больше пространства на страницах периодических изданий.

В-третьих, пресса продолжала закреплять в общественном сознании сформированные в 1914 г. мифологизированные образы врага. Например, 1 апреля 1915 г. в свет вышел очередной номер «Казанского телеграфа». На передовице пестрел заголовок статьи: «Немецкий офицер и негодяй — одно и то же»⁵. Лейтмотивом многих публикаций было стремление сломать позитивное представление обывателей обо всем немецком и заместить его отрицательным эмоциональным фоном⁶.

В-четвертых, можно констатировать расширение применения приема сравнения. К практически неизменному сюжету, построенному на сравнении положения российских военнопленных в Германии и Ав-

⁴ Северский. 1914. С. 2.

⁵ Казанский телеграф. 1915. 1 апреля.

⁶ Уроки истории // Казанский телеграф. 1915. 11 апреля.

стро-Венгрии, с одной стороны, и военнотружущих вражеских государств на территории России, с другой, добавляется сюжетная линия, раскрывающая взаимоотношения пленных и обывателей. В отношении пленных с местным населением раскрывались разные типы характеров. Русские – с их широкой душой и простодушным нравом, и «немцы» – подлый и хитрый враг, старающийся извлечь отовсюду выгоду, даже при нахождении в плену. Авторы писали, что с российскими солдатами немцы обращаются как с представителями низшей расы, заставляют их работать чуть ли не круглые сутки. В то же время по данным полученным управляющим военным ведомством генералом А. А. Поливановым, отношение к военнопленным в России не только гуманное, но и чрезмерно предупредительное. Пленных не просто кормят, но практически закармливают⁷. Вообще, тема экономического благополучия военнопленных, на фоне постоянно понижающегося жизненного уровня большинства населения, была сама по себе достаточно болезненной и вызывала заметную озлобленность обывателей. Пресса Поволжья и Кавказа постоянно публиковала информацию о благополучном положении пленных на фоне наступающего экономического кризиса в России и ухудшения положения широких слоев населения.

Сравнение в основном шло по трем вопросам – питание, работы, наказания, и естественно. все аналогии были только в пользу России. Вопросы питания раскрывались весьма тщательно: пища российских пленных, по утверждению журналистов, в Германии состоит из похлебки, приготовленной из разного рода отбросов овощей и картофельного хлеба, супа из шелухи картофеля и крошечного кусочка хлеба,⁸ прокисшей похлебки и куску заплесневелого хлеба⁹. Иногда еда ограничивалась куском хлеба и кофе из желудей или ячменя. Голодные пленные, поэтому на работах жадно поедали сырую репу¹⁰. В Австро-Венгрии рацион был сытнее: еда 2 раза в день с микроскопической дозой мяса и ломоть хлеба едва достаточный для 1 раза, но назначаемый на 2 дня¹¹.

Большая смертность пленных стала результатом недоедания, антисанитарии и непосильной работы, оспа, тиф и другие болезни постоянно поражали значительное количество пленных. Отдельной проблемой в лагерях для военнопленных становится отсутствие нормальной канали-

⁷ Режим плена // Казанский телеграф. 1915. 18 февраля.

⁸ Положение наших пленных в германии // Казанский телеграф. 1915. 3 мая.; Положение пленных в Германии и Австрии // Волжский вестник. 1915. 31 мая.

⁹ Зверские приемы // Казанский телеграф. 1915. 22 апреля.

¹⁰ Положение военнопленных в Германии // Казанский телеграф. 1915. 18 мая.

¹¹ В австрийском плену // Казанский телеграф. 1915. 30 мая.

зации и чистой питьевой воды. Пресса Казанской губернии регулярно публиковала информацию о гибели значительного числа пленных россиян в Германии и Австро-Венгрии.

В вопросе об использовании труда пленных особое внимание обращалось на незаконность привлечения русских солдат к разного рода работам. Постоянно подчеркивалось, что россияне использовались на самых тяжелых и унижительных работах. Например, в одной из статей отмечалось, что 600 пленных, в основном крестьяне, были посланы немцами в Силезский каменноугольный район. Во время работ все лифты останавливаются и лестницы убираются. Попав под землю люди, работают целую неделю, и лишь по истечении этого срока на 2 дня отпускаются на поверхность¹². Часто публиковались статьи, где указывалось, что на пленных пашут и боронуют. Для сравнения демонстрировалась нерешительность российских властей и их мягкость в вопросе привлечения к работам пленных солдат противника. Так, было опубликовано сообщение о том, что в селе Аркадаке Балашовского уезда из 215-ти пленных, привезенных на сельскохозяйственные работы, 120 отказались работать, заявив о нежелании трудиться вообще. И с этим нежеланием власти серьезно считались, никто не рискнул принуждать немцев к работе, и уездному начальству пришлось обратиться к высшей административной власти за инструкциями. Инструкции, как и следовало ожидать, оказались очень мягкими к большому возмущению казанского журналиста. По его мнению, следовало всех пленных за нежелание работать подвергнуть строжайшему тюремному заключению¹³.

Наказания, как правило, не конкретизировались. Достаточно часто описывались факты избияния и истязания российских пленных. Сообщалось, что их вешают или расстреливают, смотря по настроению¹⁴. Данная тема исподволь вытаскивала на поверхность острый вопрос: если наших пленных уничтожают, то кто находится в плену? Ответ для многих консервативных изданий напрашивался сам собой – это дезертиры и предатели. Однако эта логическая цепочка, по крайней мере, в первой половине 1915 г., не укладывалась в рамки официальной идеологии, которая указывала, что пленные – это герои, brave солдаты.

Периодическая печать улавливала малейшие оттенки недовольства в обществе и играла на них. Так, в начале 1915 г. в печати продолжают публиковаться зарисовки связанные с возвращением российских поданных из Германии и Австро-Венгрии. Проверенный сюжет пользо-

¹² Германские каторжные работы // Казанский телеграф. 1915. 9 апреля.

¹³ Хуже ада // Казанский телеграф. 1915. 11 апреля.

¹⁴ Баскаков. 1915. С. 1.

вался значительным спросом. Как и годом ранее, огромный интерес вызвали воспоминания участников и очевидцев германского и австро-венгерского плена. Душераздирающие сюжеты, описывающие мытарства русских подданных – женщин, стариков и детей – после интернирования. Особой строкой проходили рассказы членов царской фамилии и их приближенных. Подчеркивалось, что даже родственники царствующих особ не пользовались привилегиями, разделяя невзгоды и тяготы простых людей. Подобные сюжеты преследовали две цели. Во-первых, они демонстрировали, что для немцев нет ничего святого и неприкасаемого. А во-вторых, показывали единство царской семьи и народа перед лицом общего несчастья.

В публикуемых воспоминаниях постоянно подчеркивалось плохое отношение подданных Германии и Австро-Венгрии к пленным россиянам (с нарастанием жестокости обывателей и властей к пленным по мере затягивания войны). В то же время по сведениям, приводимым казанскими газетами, в целом положение пленных россиян было несколько лучше в Австро-Венгрии, где к ним уважительно относились славяне, румыны и итальянцы. Более того, корректное отношение к пленным отмечалось у австро-венгерских офицеров и врачей¹⁵.

Следует обратить внимание еще на один момент. Публикуя одновременно письма российских военнопленных, находящихся в Германии и Австро-Венгрии, и военнопленных, осуществивших побег, пресса как бы невольно подталкивала читателя к сравнению описываемых фактов. И сравнение шло явно не в пользу писем военнопленных. Спокойный тон их текстов (с многочисленными искажениями информации) резко контрастировал с избалованной тональностью воспоминаний беглецов и описанием фактов многочисленных нарушений со стороны противника.

Все вышеописанное уже в 1915 г. вызывало у обывателей закономерный вопрос о степени доверия к письмам военнопленных, особенно в части просьб об оказании материальной помощи. В России были уверены, что чаще всего германцы сами пишут якобы от лица пленных по адресам написанных им писем. Подложность их устанавливается тем, что громадное большинство писем написано одним почерком¹⁶.

В отличие от консервативной прессы, казанская либеральная периодика стремилась создать более четкий образ пленного-героя. Например, вот как выглядела одна из статей о российских военнопленных, сумевших осуществить побег: «по словам этих *героев*, кормят немцы один раз в су-

¹⁵ Истязание немцами пленных врачей // Волжский день. 1915. 22 января.

¹⁶ Жизнь наших пленных в Германии и Австрии // Казанский телеграф. 1915.

тки. После обеда солдат остатки сливают в общий котел и дают пленным. Пойло это по вкусу напоминает пищу для свиней. Причем пресное, так как немцы его не солят. Хлеб русским пленным отпускают разными порциями – от 1/3 до 1/4 фунта в сутки. Хлеб ржаной с большой примесью картофеля. Плохо выпечен. Обращаются жестоко; называют русскими свиньями и пастухами. Бьют без всякой причины. Гоняют на работы ежедневно. Освобождают от них только во время обеда, который длится 15 минут. Нашим *героям* приходилось работать с раннего утра и до вечера. Гоняли их главным образом на военно-полевые работы. Австрийских солдат к пленным не допускают, ибо не знают об их действительном настроении. Побегу содействовали местные крестьяне литовцы, оставшиеся в своих разоренных селах»¹⁷. Чем страшнее выглядела повседневность плена, тем более впечатляющим получался образ пленного-героя.

По нашему убеждению, формирование подобного героического образа имело непродолжительный положительный эффект, но создавало долгоиграющие негативные последствия. Суть проблемы в том, что в общественно-политическом дискурсе сформировался устойчивый стереотип героя, который никак не вязался с положением и мироощущением пленных. Герой молчалив, он не просит о помощи. Пленные же по вполне понятным причинам практически в каждом письме просили прислать либо денег, либо съестных припасов. Герой не жалуется на неудобства, окружающие его. Пленные, наоборот, при любой возможности упрекали администрацию австро-венгерских и германских концентрационных лагерей в негуманном отношении к ним. Герой не боится рисковать своей жизнью для спасения Отечества. Пленные же в своем большинстве не пытались осуществить массовый побег или бить врага на его территории. Да и большинство военнопленных решались на побег от безысходности, а не по морально-этическим соображениям.

Реальность постепенно расходилась с образом воина-героя, силой захваченного врагом, кстати, последнее обстоятельство также вызывало большие сомнения у обывателя. И у жителей внутри России все чаще возникал вопрос: а не являются ли военнопленные предателями? И чем чаще возникал этот вопрос, тем чаще выходили опровержения и новые серии статей о героях за колючей проволокой. В результате формировался обратный эффект – раз их пытаются героизировать, значит, что-то не так? Постепенно закравшееся сомнение, начинает разлагать общественное мнение, и уже к концу 1915 г. степень доверия к письмам пленных и сочувствие их судьбе резко падает. В этом плане статья Е.Н. Тру-

¹⁷ В германском плену // Казанский телеграф. 1915. 1915. 17 апреля.

бецкого, в которой он обращался к обывателям с описанием внутреннего состояния пленных (сколько нравственных мучений, сколько желания сказать всем, что они честно сражались, хотели умереть за родину) была не более чем криком в пустыне, а его слоган: «забыть о пленных страдальцах, – забыть о России» – пустым призывом¹⁸.

1-6 мая 1915 г. произошел германо-австрийский прорыв под Горлицей-Тарновым. Началось «Великое отступление» российской армии. Тема пленных будоражила умы россиян, ибо число попавших в плен было очень внушительным, никогда Россия не сталкивалась с таким количеством соотечественников попавших в плен. Именно в это время можно констатировать изменение тональности публикаций о военнопленных, а во-вторых, живой интерес к их судьбе. Не менее важной тенденцией было очень настороженное отношение провинциальной публики вообще и власти, в частности, к инициативе из столиц Российской империи. Центральная власть очень хорошо понимала зависимость периферии от столичного мнения, и в этой ситуации должна была выразить определенную позицию по отношению к военнопленным, ибо проблема их содержания уже не могла решаться должным образом на уровне общественных организаций. Подобным ответом было создание Императрицей Александрой Федоровной Романовой особого комитета помощи военнопленным¹⁹. Пресса писала: «Александра Федоровна, принимая близко к сердцу нужды сраженных на поле брани и попавших в плен, изъявила желание сформировать особый комитет помощи русским военнопленным, томящимся в жестокой неволе... и призывает произвести сбор вещей первой необходимости»²⁰. Вслед за инициативой императорской семьи, в орбиту сбора пожертвований для военнопленных россиян начинают втягиваться и региональные власти.

Второй всплеск активности в вопросе помощи российским военнопленным, томящимся в австро-венгерском и германском плену, прошел осенью 1915 г. Начало положил так называемый «День пленного», прошедший в Москве в сентябре 1915 г. Целью данного мероприятия было привлечение общественного внимания к проблеме содержания российских военнопленных за границей. Одновременно поднимались вопросы дополнительного финансирования организаций оказывавших помощь пленным и улучшения их имиджевой составляющей²¹.

¹⁸ Нашим пленным // Казанский телеграф. 1915. 20 ноября.

¹⁹ Казанский телеграф. 1915. 2 июля.

²⁰ Волжский день. 1915. 10 июня.

²¹ Волжско-камская речь. 1915. 11 ноября.

Весной-летом 1915 г. российская армия терпела тяжелые поражения по всему фронту, что сопровождалось общим отступлением. Затягивание боевых действий вкупе с потерей колоссальных территорий негативно отразилось на экономическом состоянии страны. Урапатриотические настроения, господствовавшие в обществе на протяжении первых месяцев войны, сменились вполне ожидаемой апатией и неверием в способность власти привести страну к победе. Поэтому в прессе все чаще стал подниматься вопрос, который всех волновал: «Кто виноват?». Начался новый виток поиска общего врага, который был способен консолидировать общество. Широкое хождение слухов и домыслов в народе играло важную роль в укреплении атмосферы шпиономании и всеобщей слежки в стране. Газетные публикации выступали не более чем детонатором способным взорвать ситуацию. Даже среди интеллигенции много говорили об изменах, в том числе в армии. Об этом писали в письмах, рассказывали возвратившиеся с фронта больные и раненные нижние чины²². В результате обывателю трудно было разобраться в том, кем же являются пленные – соотечественниками, героями, нуждающимися в помощи, или жалкими предателями.

В российской прессе в конце 1915 – начале 1916 гг. вновь обыгрывалась проблема расхищения германскими и австро-венгерскими солдатами, посылок, направленных из России в Германию и Австро-Венгрию для российских военнопленных. Не раз звучали утверждения о том, что, отсылая посылки, россияне, тем самым, кормят противника. 8 февраля 1915 г. были опубликованы правила по отправлению денежных переводов российским пленным в Германию и Австро-Венгрию. Особо отмечалось, что хотя почтовые переводы на имя русских пленных, находящихся в Германии, допускаются на сумму 312 руб. 50 коп, а на имя военнопленных, находящихся в Австро-Венгрии до суммы 300 руб., однако рекомендуется посылать деньги небольшими суммами²³. К лету широкое обсуждение получил вопрос: а целесообразно ли вообще осуществлять отправку денежных средств? Ряд корреспондентов на этот вопрос отвечали отрицательно, ссылаясь, во-первых, на то, что невозможно отследить, дошла ли сумма до адресата и полностью ли дошла, а во-вторых, обменный курс валют был крайне невыгодным и позволял германцам наживаться на переводах денежных средств из России.

К тому же общественные организации в 1915-1916 гг. натолкнулись не просто на равнодушную позицию властных структур, но и на их

²² НА РТ Ф.1154. Оп.1 Д.259. Л. 21.

²³ Письма военнопленных // Казанский телеграф. 1915. 8 февраля.

противодействие. Чиновники обосновывали свое нежелание помогать пленным и запрет на пересылку продовольствия и денег тем, что якобы все переданное странам-противникам будет использовано для снабжения их армии и хозяйства. Даже на запрос начальника Генштаба о необходимости посылки хлеба пленным император дал отрицательный ответ, мотивируя это невозможностью проверки, что хлеб действительно будет доставлен по назначению, а не будет использован для питания германских войск²⁴. Такого рода рассуждения не могли укрепить веру рядовых россиян в важность оказания помощи пленным.

При этом следует отметить, что интерес российской общественности к российским военнопленным в 1916 г. за рубежом методично угасал. Безразличие к их судьбе постепенно, но неотступно разлагало сознание обывателя. Кампания «разоблачения», прошедшая в прессе в 1915 г., достаточно прочно осела в умах, и теперь слово пленный вызывало скорее негативную ассоциацию, нежели образ защитника Отечества. Впрочем, подобное видение имело место у тех лиц, которые непосредственно не имели родственников или близких товарищей в плену. Та часть общества, которая контактировала с пленными и понимала их проблемы, продолжала снабжать их продовольствием, деньгами и необходимыми вещами. Однако эта помощь уже не имела общероссийского масштаба, выступая в качестве местной инициативы, с тенденцией фиксации на отдельных личностях активистов.

Однако картина была бы не полной, если проигнорировать объективные предпосылки инертного отношения крестьян и других социальных групп к проблеме военнопленных. Значительная часть жителей Казанской губернии имела низкий уровень жизни, еще более снизившийся в годы войны, многие семьи реально не могли пожертвовать часть доходов не только для оказания помощи абстрактным военнопленным, но даже своим родственникам, попавшим в плен. Негативное влияние на восприятие пленных оказывало постоянное вздорожание продуктов первой необходимости, экономические неурядицы и борьба за выживание. Солдатки зачастую находились в таком тяжелом положении, что просто не имели физической возможности оказывать помощь мужьям, попавшим в плен. Та же ситуация была у одиноких матерей и в многодетных семьях.

На страницах казанской периодики в 1916 г. появлялось все меньше и меньше статей о судьбе военнопленных россиян за границей. Все реже употребляются эмоционально насыщенные слова – «страдальцы», «мученики», «герои». Зато все чаще можно встретить слова, наполнен-

²⁴ Мальков. 1971. С.29.

ные нейтральными значениями: «пленный», «подданный», «захваченный». Столь разительная смена тональности в прессе, впрочем, не проявилась внезапно. Выше мы говорили о том, что градус неприятия наших пленных повышался в течение 1915-1916 гг. Логическим итогом было формирование нейтрального образа пленного в прессе.

С одной стороны, власти не желали формировать и закреплять в умах россиян негативный образ военнопленного. Война подходила к концу, это было очевидно всем сторонам конфликта. Возвращение огромного числа захваченных в плен на родину могло привести к обострению и так достаточно опасной экономико-политической ситуации в России. Во-вторых, экономическая интеграция бывших военнопленных должна была происходить в кратчайшие сроки, так как источник рабочей силы – иностранные военнопленные будут возвращены на родину. В этой связи негативное восприятие наших пленных внутри России могло сыграть плохую роль. Однако это понимали далеко не все в руководстве, поэтому перепалка по поводу того, как относиться к военнопленным – как к предателям или как к уважаемым людям, продолжалась на протяжении всего 1916 – начала 1917 г.

В заключение отметим, что региональная пресса во второй половине 1915 – 1916 гг. была достаточно толерантна в освещении положения пленных россиян в Германии и Австро-Венгрии, воздерживаясь от эмоциональных комментариев как негативного, так и позитивного свойства. Работники военно-цензурной комиссии отмечали, что корреспонденты освещают судьбу наших сограждан в Германии и Австро-Венгрии беспристрастно, зачастую на грани с равнодушием. Подобное суждение логически вытекало из анализа не только статей, но и даже их заголовков («российские подданные в плену», «русские военнопленные»). Таким образом, налицо попытка функционального подхода корреспондентов к вопросу о положении военнопленных. Формально пресса освещала положение дел, демонстрировала публике цифры, факты, требования норм международного права и внутреннего законодательства, но практически полностью воздерживалась от эмоциональных комментариев и выражения собственного мнения. Вслед за столичными изданиями казанская пресса «охладела» к военнопленным, однако имелись знаковые оттенки происходящего. Например, несмотря на нейтральный тон статей, в которых сравнивалось положение российских военнопленных и иностранных пленных в России, из их содержания становилось очевидным, что сравнение было явно не в пользу отношения российского общества и власти к своим пленным согражданам.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Баскаков А.* Письма с войны // Казанский телеграф. 1915. 25 мая.
В австрийском плену // Казанский телеграф. 1915. 30 мая.
В германском плену // Казанский телеграф. 1915. 17апреля.
Волжское слово. 1914. 30 июля, 1914. 29 августа.
Волжское слово. 1914. 7 ноября.
Германские каторжные работы // Казанский телеграф. 1915. 9 апреля.
Жизнь наших пленных в германии и Австрии // Казанский телеграф. 1915. 31 мая.
Зверские приемы // Казанский телеграф. 1915. 22 апреля.
Истязание немцами пленных врачей // Волжский день. 1915. 22 января.
Истязание немцами пленных врачей // Казанский телеграф. 1915. 21 февраля.
Казанский телеграф. 1915. 1 апреля.
Казанский телеграф. 1915. 2 июля.
Как живут пленные у немцев // Волжский день. 1915. 12 апреля.
Как немцы обращаются с пленными // Казанский телеграф. 1915. 3 января.
Крючков И.В. Военнопленные Австро-Венгрии, Германии и Османской империи на территории Ставропольской губернии в годы первой мировой войны. Ставрополь, 2006. 202 с.
НА РТ. Ф.199. Оп.1. Д.922. Л.81.
Нашим пленным // Казанский телеграф. 1915. 20 ноября.
Положение военнопленных в Германии // Казанский телеграф. 1915. 18 мая.
Положение наших пленных в германии // Казанский телеграф. 1915. 3 мая.
Положение пленных в Германии и Австрии // Волжский вестник. 1915. 31 мая.
Режим плена // Казанский телеграф. 1915. 18 февраля.
Северский Н. Общественное мнение в плену // Волжское слово. 25 октября. 1914.
Уроки истории // Казанский телеграф. 1915. 11 апреля.
Хуже ада // Казанский телеграф. 1915. 11 апреля.
Волжский день. 1915. 10 июня.
Волжско-камская речь. 1915. 11 ноября.
НА РТ Ф.1154. Оп.1 Д.259. Л. 21.
Письма военнопленных // Казанский телеграф. 1915. 8 февраля.
Мальков А.А. Деятельность большевиков среди военнопленных русской армии (1915 – 1919 гг.) Казань, 1971. 176с.
- Абдрашитов Элик Евгеньевич*, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Казанского юридического института МВД России; b-el@rambler.ru